

Отказ от привычного

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА. - 2005. - 6 июня. - с. 8

В рамках VI Чеховского фестиваля на сцене Театра Моссовета состоялся показ спектакля швейцарского театра Види-Лозанн Е.Т.Е.

Полина Богданова

Этот необычный спектакль с непередаваемым названием «Эраритжиритжака» немецкого режиссера Хайнера Геббельса близок тем, кто в звуках его музыки и словах его странной пьесы без сюжета слышит соответствия размышлениям о собственной жизни. Не ищите в нем морали. Пафоса. Он вас ни к чему не призывает и ничего не утверждает. Он лишен пошлой утилитарности. И представляет собой некий экзерсис, для интерпретации которого вы не найдете точных определений и подсказок. Можно к нему отнести как к почти гениальному капризу большого художника, делящегося с нами своими ощущениями, не более того, но равнодушного к нашему одобрению или неодобрению. В общем, это театр не для всех, чего в наш утилитарный потребительский век многие боятся, от чего отмахиваются, предпочитая массовость успеха.

Режиссер и композитор Хайнер Геббельс известен на Западе как смелый нетрадиционный экспериментатор, сочетающий в одном произведении различные искусства и стили. Музыку, литературу, кино. Так и в этом спектакле вначале вы видите на огромной задрапированной черным сцене квартет музыкантов, исполняющих классическую и современную серьезную музыку. Затем появляется актер Андре Вильмс, который в свободной разговорной манере произносит довольно необычные тексты Элиаса Канетти, полные метафор и изящной словесной и интеллекту-

альной игры. Потом начинается видеофильм с участием того же актера, продолжающего свои монологи, но уже не в условной декорации сцены, а на реальной улице, затем в реальной квартире с гостиной и кухней, где он жарит яичницу и, в общем, существует в некоем обыденном бытовом ритме.

Странное название «Эраритжиритжака» объясняет программка: «Это древнее выражение на языке австралий-

ских и смотрящих, текущие свободно, неуловимы. Одно размышление сменяет другое. Один образ теснит следующий. Кажется, что у этого музыкально-словесного действия нет границ, оно открыто и свободно рождает все новые и новые смыслы и чувства.

Но вот вступает в силу иной прием. Режиссер уводит актера со сцены. Мы следим за его передвижениями с помощью видеокамеры, дающей изображение на экране.

возникает смех, что совершенно естественно, потому что нищета нашей текущей повседневности вовсе не вяжется с богатством тех духовных смыслов, которые до сих пор рождал спектакль. Вся эта мешанина, вся эклектика, эстетический и смысловой конфликт дают новый объем происходящему на сцене.

Мы как бы воочию видим мир в его одновременном и параллельном существовании – внутреннего и внешнего,

Люди в этом спектакле уподоблены кеглям, живущим в ожидании очередного удара

ских аборигенов означает «вдохновляемый желанием того, что потеряно». Такого рода словесных и смысловых парадоксов в тексте очень много. Он поразительно красив и изыскан, тяготеет к поэтической образности, лаконичен и емко. «Успех – это дерзость дня» – это и подобные афористические выражения составляют его основу. Люди у Элиаса Канетти уподоблены кеглям, которые существуют в ожидании очередного удара.

Сочетание звучащей музыки в живом концертном исполнении квартета и поэтических слов раздвигает поле наших ассоциаций, переводя все в мир внутреннего духовного размышления человека о мире и самом себе. Это эфемерное, нематериальное пространство вмещает в себя очень много. Но ассоциации, возникающие спонтанно у слушаю-

Он идет по фойе театра, затем выходит на улицу, садится в машину, потом подъезжает к дому, входит в квартиру и располагается там. Мы оказываемся в конкретном бытовом материальном пространстве. Актер живет обычной жизнью – жарит яичницу, ест и т.д. И вот эта грубая, лишенная образного начала материальность как бы вступает в эстетический конфликт с музыкой и текстом, продолжающими звучать. В какой-то момент музыканты оказываются тоже в этой квартире. И все смешивается – эфемерность внутреннего пространства и грубый буквализм внешнего. Подключается телевизионная передача, которую смотрит актер. С экрана звучат речи, мгновенно окунаяющие нас в нашу текущую политическую и жизненную реальность. Говорят о либерализме в экономике, и в зале

конкретного и абстрактного, духовного и материального, буквального и образного, низменного и высокого. Все это сбито, спрессовано, перемешано. Это мир, лишенный структуры. Не имеющий ни начала, ни конца, ни цели, ни замысла, ни логической последовательности, существующий разорванно, размывающий границы. Но вместе с тем странно и неизъяснимо поэтичный и гармоничный.

Спектакль Хайнера Геббельса отменяет привычное, предлагает отказаться от однозначности. По поводу всего этого можно сказать только одно. Свободе западного художника, уверенности, с которой он идет по шатким мостикам экзистенциального театра, могли бы позавидовать многие наши режиссеры. ■

Полина Богданова – театраль-
ный критик.